

«ЭТО ТАКОЙ ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ. “ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ТАКИМ, КТО ПРОСТО ЧИТАЕТ ТО, ЧТО ПИШУТ, ИЛИ ОДНИМ ИЗ ТЕХ, КТО ПИШЕТ ТО, ЧТО ЧИТАЮТ ДРУГИЕ?”

И Я РЕШИЛ, ЧТО ХОЧУ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ».

ДЭНИЕЛ ЭВЕРЕТТ (DANIEL EVERETT) родился в 1951 году в Холтвилле (Holtville), Калифорния. Он окончил Библейский институт Муди (Moody Bible Institute) в Чикаго по специальности зарубежные миссии и был рукоположен в сан священника. Эверетт изучал языки в Летнем институте лингвистики (Summer Institute of Languages — SIL), связанном с миссионерской деятельностью, по окончании которого он и его жена отправились в качестве миссионеров в бассейн реки Амазонки, где они жили в небольшом племени охотников-собирателей, известном под названием *пирахан* (the Pirahã), язык которого ничем не родственен ни одному из существующих ныне диалектов. Проведя много лет среди пираханов, Эверетт в конце концов сумел взломать код их якобы не поддающегося расшифровке языка, а в процессе его изучения он совершил открытия, которые касаются природы человеческого языка и до сих пор порождают дискуссии в лингвистике. Он также исследовал более десятка разных языков Амазонии и опубликовал результаты своей работы. Эверетт получил докторскую степень (лингвистика) в Государственном университете Кампинас (Universidade Estadual de Campinas, Бразилия). Он был профессором лингвистики и антропологии Питтсбургского университета, являясь там же председателем отделения лингвистики. Он также преподавал в Манчестерском университете (Англия) и в Университете штата Иллинойс (Illinois State University). В настоящее время Эверетт является деканом факультета искусств и наук Университета Бентли (Bentley University). Он опубликовал две книги: бестселлер «Не спи, здесь змеи: Жизнь и язык в джунглях Амазонки» (*Don't Sleep, There are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*, 2008) и «Язык: Орудие культуры» (*Language: The Cultural Tool*, 2012). Его жизнь и работа в племени пирахан послужила основой документального фильма «Грамматика счастья» (*The Grammar of Happiness*, 2012).

ДЭНИЕЛ ЭВЕРЕТТ

Роберт Грин

Я в этой книге, пожалуй, могу сказать, что вы просто играете в политическую игру и не жалуетесь. Просто делаете то, что требуется, — все, как в жизни.

Дэниел Эверетт

Да, это так. В действительности это все, что можно сделать. То есть я еду туда и потому говорю людям, которые ведут полевые исследования, что это холистический опыт. Я увлекаю туда сотрудников Массачусетского технологического института и Стэнфорда. Это поистине выдающиеся люди, им известно, как проводить эксперименты, они точно знают, что надо сделать для тестирования, но они не привыкли работать в таких условиях. Когда люди готовы провести полевое исследование в таком месте, как Амазонка, я говорю им: если вам кажется, что вы что-то сделаете за такое-то время, удвойте его. Удвойте этот период, потому что пятьдесят процентов времени вы будете или болеть, или с кем-то знакомиться, либо возникнут разнообразных помехи.

Роберт

Хотелось бы мне добраться до той части интервью (целостный жизненный опыт и его трудности), ведь вы так часто о нем говорите.

Он как бы требует всех ваших эмоций, вашей личности, вообще всего. Это стрессовая ситуация. Вы поняли смысл этой книги из того, что я написал?

Дэниел

Да.

Роберт

Я отправил порядка двух тысяч слов.

Дэниел

Да, я прочитал.

Роберт

Я потом сообразил, что, наверное, мне не следовало посылать такой длинный...

Дэниел

Я прочитал все.

Роберт

Поэтому я как бы разбил текст на несколько частей. Я думал немного разъяснить, а потом как бы...

Дэниел

Было бы неплохо.

Роберт

Суть идеи в том, что человеческий мозг развился с особой целью и продолжает развиваться, а в конце этого процесса возникнет форма интеллекта, которая, как мне кажется, не часто ощущается людьми как возможность, и очень мощная. Мне кажется, к чему-то такому мы, быть может, приблизимся в будущем, а для этого надо кое в чем очень хорошо разобраться, погрузиться в эту форму интеллекта, узнать в подробностях и понять, что дает ему жизнь, как в чем-то органическом, будь то физика или племя, иная культура или произведение искусства. С того момента, когда вы так глубоко проникли в него, оно оживает и вы увязываете его с другими явлениями и видите вещи

такими, какими их до вас никто не видел. Поэтому если вы смотрите со стороны, то ваш интеллект позволяет вам понять некую взаимосвязь вещей, но когда вы оказываетесь, я бы сказал, внутри него, то понимается все совершенно иначе — более широко.

По мере изучения разных людей в разных сферах я начинаю понимать... У меня индуктивный метод. Индуктивный метод — вечно я их путаю. Индуктивный метод вроде тебя самого. Все основано на материале. Но я неплохо понимаю, что он охватывает все сферы деятельности. Всюду речь пойдет о творческих процессах. Это касается творческих процессов от Эйнштейна до Дарвина и Гленна Гульда (Glenn Gould). Я пытаюсь связать эти процессы с тем, что имеет какое-то отношение к мозгу и его эволюции. По этому вопросу я беру интервью и у нейробиологов.

Мне кажется, я пишу эту книгу, потому что мы немного теряем контакт с творческими процессами, поскольку это несколько напоминает тяжелый труд: практику и дисциплину и способность часами что-то изучать. Ныне немногие люди нашей культуры обладают таким терпением.

Дэниел

Лингвист и антрополог Кен Пайк (Ken Pike), один из моих первых профессоров, говорил в своих лекциях об объективном изучении и субъективном понимании звуков того или иного языка. На лингвистику его теория существенного влияния не оказала, зато на антропологию ее влияние было очень ве-

лико. Он различал «этические» (-etic) и «эмические» (-emic) лингвистические единицы.

Роберт

«Этические» и «эмические». Не понимаю.

Дэниел

«Этические» (E-T-I-C) и «эмические» (E-M-I-C) — это просто суффиксы английских лингвистических терминов. Поэтому полезно поговорить, скажем, об «этическом» восприятии группы племен. Нам ничего о них не известно. Возможно, мы прекрасно подготовлены как антропологи, и вот мы отмечаем, о'кей, что они делают то, другое, третье. Но мы все это видим не так, как они, когда делают это. «Эмическое» восприятие — это когда я, северный американец, носитель культуры Южной Калифорнии, «эмически» воспринимаю эту культуру. Я «этически» воспринимаю культуры, внутрь которых я проникнуть не могу. Я бы сказал, что несколько «эмически» я воспринимаю только культуру бразильскую и *пирахан*, но для этого потребовалось немало времени. Это не совсем то, что вы говорили, но это очень...

Роберт

Это именно то, о чем я говорил. Было непонятно, потому что Эндрю просто как бы подсунил мне вашу книгу. Возможно, у него развита интуиция. Часть книги посвящена интуиции, но, надо полагать, на более глубоком уровне, чем тот, на котором о ней обычно говорят. Он подсунил мне вашу книгу года два назад, когда я последний раз был на книжной презентации. Возможно, он почувствовал, что по-

ступает правильно, это именно то, что я и искал. И я действительно был под впечатлением, когда перечитал ее. В ней столько мыслей, которые я на самом деле пытаюсь выразить. Стоило бы мне заглянуть в книгу Кена Пайка или она слишком специальная?

Дэниел

Нет. О ней, вероятно, есть статья в Википедии.

Роберт

Кен Пайк еще жив?

Дэниел

Нет, он умер несколько лет назад, но его работа как раз оказала влияние на антропологию. Если вы забьете его имя в Google, то найдете о нем много сведений.

Роберт

Пишется Р-И-К...

Дэниел

Р-И-К-Е. Да, Кеннет Пайк. Одна из причин, почему его труды не оказали заслуженного влияния, — он очень туманно выражался. Даже людям, знавшим его и его теорию, было нелегко разобрать, что он говорит.

Роберт

О, так, может быть, я...

Дэниел

Да. Но люди, которые действительно разобрались с этими двумя терминами, тут же занялись антропологией. Они не занялись лингвистикой, потому что он изобрел эти термины примерно тогда же, когда на сцену вышел Хомский. Разницы между «глубинной структурой» или «поверхностной структурой» Хомского никто не видел. Они не имеют никакого отношения к тому, о чем говорил Пайк. Пайк был вос-

ходящей звездой, но вот явился Хомский и стал суперновой звездой, а Пайк оказал влияние на антропологию и не слишком большое влияние на лингвистику.

Роберт

Понятно.

Структура моей книги очень проста. Я смотрю на все, что происходит в процессе, как на нечто органичное. Если это понятно, тогда ясно и то, как все это действует. Каждый индивид проходит свой жизненный процесс в «эмическом» смысле. Я заметил, для того, чтобы преодолеть скуку, тяжелый труд и практику, которыми вырабатывается мастерство в любой сфере, надо ощущать волнение. Это эмоциональное качество, и надо любить то, что вы делаете, или вы наверняка пройдете мимо той точки, которая знаменует глубокое погружение. Большинство людей даже не представляют, насколько это важно — любить свое дело.

Первая часть книги посвящена тому, что я называю Службой Жизни. Это выражение принадлежит Ницше, и я использую его во всех моих книгах. Это чувство вашего жизненного предназначения. Когда вы осуществляете его, вы ощущаете глубокую связь с ним. Поэтому мне хотелось немного поговорить с вами об этом, чтобы получить представление о вас, слегка затронув ранний период вашей жизни. Ибо вы, как и все, проходите стадию ученичества, близкого к понятию ремесла в Средние века, когда все проходили через стадию ученичества. Мне также хотелось бы поговорить немного о вашем первоначальном

обучении. Мне известно, что вы были в Чьяпасе (штат в Мексике).

Дэниел

Да.

Роберт

Как правило, наступает вторая стадия, которую я называю творческой, на которой проявляется ваша способность играть с понятиями, которыми вы овладеваете. В конце концов вы вступаете в последнюю стадию овладения мастерством, на которой появляется чувство мастерства. Но в вашем случае вторая и третья стадии будто немного сливаются, а у кого бы я ни брал интервью, мне особенно хочется проникнуть в эту третью стадию. Так что сегодня поговорим в основном о ней.

Но пока мы не начали, хотелось бы узнать, нет ли у вас вопросов обо мне, о книге или еще о чем-то подобном?

Дэниел

Да, и вправду, я подумал, что это поразительный проект, и именно поэтому согласился в нем участвовать. Только напомните мне, каким вам видится окончательное построение книги.

Роберт

В основном таким, о каком я вам уже рассказал.

Дэниел

Языком чьих...

Роберт

Хотите спросить, как я строю интервью?

Дэниел

Да.

Роберт

Это, знаете ли, не всегда строго определено. Во всех моих книгах

(эта будет пятой) использован большой исторический материал. Я издал книгу о войне, для которой изучал людей типа Наполеона и ему подобных. Я просил их рассказывать истории о своей жизни в «эмическом» аспекте. Теперь это мое новое слово. Рассказ ведется от их лица, словно бы это художественная литература, но на самом деле вовсе нет. А потом я как бы объясняю, что я обо всем этом думаю. Поэтому получилась книга, сочетающая исторические фигуры и пока восемь современных фигур. Могло бы быть на парочку больше. Мне надо подумать, как их сочетать. Но внутри всей структуры, которую я вам только что разъяснил, куда я включил мысль, изложенную вам ранее, о том, что касается вашей Службы Жизни, это ученическая, творческая стадии и наконец стадия мастерства.

Я буду привлекать исторические и современные фигуры в качестве примеров, иллюстрирующих эти идеи. Вероятно, будет три-четыре или пять выделяющихся, поистине невероятных историй. И я, возможно, просто расскажу (каждый рассказ займет не более двух страниц) фактически от вашего лица о том, что произошло. На протяжении всей книги могут быть небольшие фрагменты от вашего лица о мелких событиях. Но честное слово, я сам участвую в процессе. Если бы я представлял себе книгу до того, как я ее написал, я потерял бы к ней интерес. Поэтому мне приходится принять на себя этот страшный вызов: как организовать весь этот материал.

Дэниел

Прекрасно. Понимаю.

Роберт

Впрочем, если бы вы видели другие книги, вы бы узнали, о чем я говорю и как мне удается это сделать. Мои книги очень популярны среди афроамериканцев, и один рэпер, которого звали *50 Cent*, любит мои книги, и я включил его в одну книгу.

Дэниел

Вот это правильно. Помнится, я ее видел.

Роберт

Ну, в той книге мне пришлось писать о его жизни и об исторических фигурах, что и навело меня на мысль, как организовать материал.

Дэниел

Правильно. Да ведь это здорово. Хорошо.

Роберт

Вот так. Чаще всего мне действительно хочется вдохновить людей. Я знаю, это немного модно, потому что в этом есть элемент самопомощи, но я всегда немного играю с этим жанром, чтобы вызвать любовь к чему-либо. По моим ощущениям, многое из этого должно касаться того, как соотносятся между собой удовольствие и боль. Если находить только удовольствие в конкретных вещах и развлечениях, никогда не выработать нужного терпения. Но если уже овладеть чем-то, будь то шахматы, фортепьяно или что-то иное, то можно получать от этого гораздо больше удовольствия. Мне хочется показать людям, каким может быть это удовольствие.

Дэниел

Хорошо, впечатляет.

Роберт

Первая часть книги могла бы быть посвящена вашим детским годам. Мне известно, что у вас было трудное детство. Согласны?

Дэниел

В чем-то согласен.

Роберт

Оно подготовило вас к тем трудностям, с которыми вы столкнулись позже?

Дэниел

Да, наверное. Самым важным событием всей моей жизни, нанесшим мне самую серьезную травму, была смерть мамы, когда мне было одиннадцать лет. Оно во многом повлияло на мою жизнь, но главное — у меня исчез страх смерти. Если мама ушла, значит, и я могу, и я думаю об этом с одиннадцати лет. Итак, с одиннадцати лет я вполне сознаю собственную смертность и не боюсь этого.

Роберт

Однозначно?

Дэниел

Мне не хочется умереть в муках, но сама смерть меня совсем не волнует.

Роберт

Сильно сказано.

Дэниел

Я потерял мать, а через несколько лет брата, а потом я потерял сестру, мачеху и брата-близнеца папы. Я потерял отца и отчима и всех моих дедушек и бабушек.

Роберт

В чем дело?

Дэниел

Невыносимая жизнь. Мама — ей было двадцать девять лет — скоропостижно умерла от аневризмы на работе (она была официанткой).

Брат утонул. Сестра умерла от СПИДа. Мачеха покончила с собой. Отец был этакий ковбой, вечно затевавший скандалы в пивном баре, и я видел, как грубо он себя ведет, и таких же парней видел. Но вот что интересно: он был грубым, настырным и скупым с посторонними, но в семье он был совсем другим. Можно было бы представить его жестоким отцом, потому что он здорово пил и вечно дрался. Но он и пальцем меня не трогал. Ну, разок, но, вероятно, я это заслужил.

Я пару раз писал ему, когда уезжал в колледж и когда был в деревне. Я сказал: «Многие не понимают, как мне это удается. Но, наверное, это потому, что всю жизнь ты показывал мне пример того, что значит быть упрямым». Есть очень важные для меня примеры. Помню, однажды он сваривал ворота в загоне для скота. Электрод только что раскалился докрасна, и он хотел отдернуть руку, но шнур запутался, и его рука оказалась прижатой к воротам, и ее прожгло насквозь. Он просто чертыхнулся. И только. Он доработал до конца дня, а вернувшись домой, наложил на рану какую-то мазь.

Роберт

Сколько лет вам было тогда?

Дэниел

Четырнадцать лет.

Роберт

Вы запомнили это?

Дэниел

Впечатляющий случай. Потом мы ходили в такие места, где ребята хулиганили и всякое такое. С четырнадцати лет я сживал вместе с ним в барах. С четырнадцати лет я играл

в барах на гитаре. Отец не произносил грубостей. Если присутствующие начинали шуметь или говорить непристойности при женщинах, он, бывало, вставал и велел им замолчать, и они всегда слушались. Это всегда производило на меня впечатление, ведь он был одного со мной роста: пять футов восемь с половиной дюймов, а говорил с этими ребятами ростом более шести футов, и они не цеплялись к нему. Просто садились. Я это помню. В моих полевых исследованиях мне случалось попадать в поистине опасные ситуации. Я выходил из них благодаря отцовскому примеру и отсутствию страха смерти. Даже интересно, что из тех давних событий я извлек какие-то уроки. Например, лишь спустя долгое время я осознал, что смерть матери послужила мне уроком.

Роберт

Но когда вы совсем недавно потеряли жену и дочь, то казалось, что вас охватила паника, во всяком случае так казалось со стороны. Вам ведь явно не хотелось терять этих людей.

Дэниел

Да. Я не боюсь собственной смерти. Я пережил столько смертей в моей семье. Единственное, чего я боюсь теперь, — это что мои дети уйдут раньше меня. Не хочу видеть, как умирает кто-то еще. Мне хотелось бы умереть раньше них. У меня нет страха собственной смерти, но я не знаю, смог бы я снова пережить уход любимых мною людей.

Роберт

Наверное, это очень тяжело.